

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ ЧЕПАРУХИН

*кандидат физико-математических наук, доцент
(Санкт-Петербурге),*

*исполнительный директор Центра истории науки и техники
Санкт-Петербургского государственного политехнического университета*

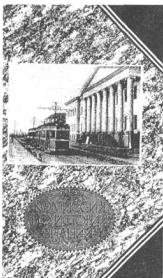
«КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ЗНАНИЙ. 1921–1932 гг.»

**Из истории организации историко-научных исследований
в Академии наук: Сборник документов.**

Санкт-Петербург: Наука, 2003 / Составители В.М.Орел, Г.И.Смагина.

Это издание вышло в свет во второй половине 2003 г. Выход книги как нельзя более уместен в сегодняшней ситуации с авторитетом науки, научного знания в нашей стране, в нашем обществе. Этот авторитет, непререкаемый еще недавно, подвергается эрозии. Напрашивается ассоциация с известной русской поговоркой о «граблях», на которые пы-

таются наступить в очередной раз, призывая упразднить, сократить историко-научные исследования и экономить на них. Аргументы и доводы периода 1921–1932 гг., детально, точно изложенные в этом фундаментальном строго историко-научном издании, воспринимаются весьма злободневно и предостерегают от ошибочных тенденций и даже действий,

к сожалению, явно намечающихся в нашем обществе (и не только в российском!).

Напомним, что институционализация науки в обществе произошла на рубеже XIX–XX вв. В нашей стране — позднее, но уверенно в связи с декларированной в 1917 г. перестройкой общественного строя. Причем как сразу после, когда инициаторами этого стали представители науки свергнутого строя, так и позже. Признавалась важность науки и в период существования СССР. Положение стало неустойчивым как раз после назревших демократических преобразований в обществе после 1990-х гг. Но именно теперь, как это ни покажется странным, необходимым стало напоминание о непреходящей роли науки вообще в обществе как некоего целостного инварианта при всех социальных преобразованиях.

Конечно, можно понять разочарование, даже раздражение бывшей советской элиты, недавно еще эйфорию (особенно в т. н. «застойный период»), надежды на всеиллие науки, с помощью которой якобы будет построен «коммунизм в отдельной стране». Но необоснованные упования не отменяют объективного хода развития научного знания и его использования в интересах человечества, да и формы этого использования сегодня существенно изменились. Пришло и понимание ответственности ученых, и нового характера использования научного знания (в значительной степени наука стала технологией, как и образование).

В этой связи только возрастает роль историко-научного знания как интегрального процесса, обобщающего научные достижения, дающего единственную объективную основу для прогнозирования, содействующего экономии творческих затрат в процессе познания. В этом смысле рецензируемое издание исключительно поучительно и своевременно.

Прежде всего, книга напоминает о тех, кто персонально стоял за этим большим делом в нашей стране целые десятилетия, какие усилия предпринимались этими людьми в тяжелейший период истории нашей страны, насколько провидчески они ощущали ситуацию, но как немного им удалось практически сделать! И все же именно им принадлежит постановка цели, она осталась неизменной и еще более важной сегодня.

Главный урок и предостережение — не повторить ошибок того периода и в новых условиях рубежа XXI в. сделать все возможное, использовать все преимущества историко-научного знания, содействовать его развитию в рациональных и экономичных организационных формах.

Два человека, стоявшие у истоков отечественно-историко-научного знания, академики АН СССР В.И.Вернадский и Н.И.Бухарин, вызывают неоднозначную реакцию широкой научной общественности. Бесспорный научный авторитет первого и его позиция вне политики воспринимаются как нормальное явление сегодня. Явная политическая ангажированность второго (несмотря на его трагическую гибель как жертвы режима) не всеми оценивается беспристрастно, хотя период его научной активности принадлежит именно ко времени ухода в нишу науки этого, несомненно, крупного и умного общественного деятеля, (его прежняя политическая деятельность была направлена на обрушение устоев Академии наук как государственного или общественного института). Тем не менее искреннее увлечение его историей науки, уход в нее — свидетельство его эволюции, отхода от ортодоксии, проявление глубины собственно личности и индивидуальности.

Объективно научные позиции их совпадают, они ставили одни и те же задачи и сумели сделать многое для отечественной науки, хотя и мало по оптимальным меркам (в силу условий развития нашего общества). Задача науки, ее цели выражены с редким блеском как в позиции В.И.Вернадского, так и Н.И.Бухарина. Уникальность обеих фигур в том, что оба они были и деятелями, и мыслителями, сочетали конкретность и прагматичность возможного с широкими раздумьями, остающимися программными и сегодня!

Многие впервые сформулированные ими аргументы в защиту приоритета научного знания в обществе воспринимаются как непреходящие и сегодня. Разрушается стереотип восприятия истории исключительно как социальной истории. Фактически впервые для широкой научной общественности стала известной эпопея создания Музея истории науки и техники в Ленинграде (1931–1941 гг.), неудавшаяся в связи с переводом столицы в Москву (хотя Ленинград и после того фактически играл роль культурной и научной столицы страны).

Перед нами — удачная попытка создания обобщающего фундаментального свода документов с обширными комментариями по организации истории науки и техники в нашей стране в 1921–1932 гг. Такой подход позволил составителям восполнить очевидную лауну в нашей историографии. По насыщенности фактическими сведениями книга чрезвычайно информативна и за пределами выбранных формальных хронологических рамок. Критерием отбора материала обоснованно принята его ценность как урока для сегодняшнего дня.

Книга вписывается в мировые традиции объективной историографии, побуждает к обсуждению сугубо современных проблем, заставляет переоценить устойчивые стереотипы, сложившиеся на основе незнания ряда фактов или их идеологизированной интерпретации, почти полностью лишена политической предвзятости (проскальзывающей изредка кое-где под влиянием использованных источников, что ощущается иногда в комментариях. Сохраняет связи и преемственность развития отечественной национальной научно-технической историографии. Одно ознакомление с перечнем документов свидетельствует о серьезности и полноте исполнения замысла. Книга — утраченное ранее необходимое

звенно для размышлений о судьбах отечественной науки, залога достоверности фундамента миссии прогнозирования нашей наукой.

Выделение круга персоналий, связанных с историей отечественной науки, позволяет выявить среди них, по известной метафоре профессора МГУ С.Шноля, «героев, злодеев и конформистов российской науки». Сама судьба многих членов КИЗ трагична в силу особых условий того времени. Тем более весом объективный вклад сделанного ими для упрочения позиций отечественной науки.

Сопровождение текста точными развернутыми и содержательными примечаниями – особенность публикации. Стремление и умение не выйти за рамки академического разговора, сдержанная подача материала даже по болезненным, еще не остывшим от недавнего полемического пыла вопросам – отличительная особенность издания. Все сюжеты, сдержанно документированные и прокомментированные, демонстрируют наиболее содержательные этапы и перипетии развития отечественной науки, освещают оставшиеся за кадром обстоятельства и проясняют многие моменты и решения рассмотренного десятилетия, роль личного фактора в них и роль объективной позиции участников, степень их принципиальности и конформизма.

Попытки сохранить включенность в мировую науку, попытки антиизоляционизма со стороны части АН СССР (подчас не поддержанные Общим собранием, которое было подвержено политизации и лоббированию групповых интересов). С одной стороны, попытки сохранения достоинства отечественной науки, с другой – конформизм части деятелей КИЗ, подчас рассматривавших свое участие в мировом сообществе в пропагандистских целях (пример – отчет о 6 участии во втором международном конгрессе по истории и философии науки и техники). Попытки последнего рода нельзя признать целиком удавшимися, но десятилетия оказались нужны для преодоления их последствий для нашей науки.

Правда, невольно возникает вопрос – нужно ли было это делать? Не лучше ли было новации приспособить к сложившимся национальным традициям и менталитету, чтобы использовать силу органических почвенных связей длительно складывавшегося (веками) сообщества?

Зафиксирована неудавшаяся попытка сохранения единства науки (гуманитарной и технической) в деятельности КИЗ, что организационно выразилось в создании на ее базе в конечном счете Института истории естествознания и техники, существующего в таком качестве и поныне, а гуманитарные науки оказались уникальным образом идеологизированы и монополизированы всего лишь одной политической силой в обществе.

Книга – отправная точка размышлений об отечественной истории науки, веха, ориентир (по праву должна стать им по содержательности, основательности). До сих пор подобного свода объективных документов не было, а были разрозненные, подчас удачные (и не очень) попытки, подходы к освещению фрагментов этой сложной темы в форме отдельных публикаций.

Этот труд осветил более чем десятилетие истории отечественной науки, в сложное время после краха, разрушения и падения первой трехвековой Российской империи со всеми ее недостатками и достижениями, период разрушения кувалдой вместо аккуратного демонтажа [В.Ч.] (так распорядилась судьба). Приведенные документы свидетельствуют ярко и непредвзято о попытках лучших умов России спасти то, что можно было спасти для раз-

вития отечественной науки, спасти связи с европейской и мировой наукой, спасти здоровье и устойчивые элементы, саму идею науки и ее роль в обществе в новых условиях, новой ситуации, апеллируя к здравому смыслу и логике тех людей новой власти, которые взялись за беспрецедентный социальный эксперимент в хаосе и пыли рушащегося здания российской государственности. Свидетельство попытки сохранить ядро, зародыш, зерно вечных ценностей, из которого прорастет новая наука и новое знание XX в. в России. Книга – обильная пища для размышлений о судьбах историографии отечественной науки.

Драматична и трагична судьба большинства участников этой попытки. К огромному сожалению, далеко не все объективные и здоровые идеи оказались реализованными, были поддержаны. Кое-что возвращается с трудом до сих пор сегодня. Многие, очевидное сегодня, не допускаясь в водвороте демагогии, фразы, момента, вне всякой логики, механического столкновения эмоций и характеров. Но *непреходящие формулировки систем нравственных идеалов и норм в науке сохранились*, что подчеркивает их абсолютную независимость и временный характер их деформации, к сожалению длительный по сравнению с продолжительностью жизни отдельных людей. Документы подчеркивают и практику поладания результатов труда достойных в руки недостойных, воровство и обман, чуждые научной профессиональной этике, обращение личных недостатков людей, оказавшихся не на своем месте в трагичные для общества дни, во зло для этого общества, конструктивную роль подлинного профессионализма и его конечное превосходство.

Удачный в целом справочный аппарат с подробными и объективными комментариями, подробные указатели (библиографический, персоналий, аббревиатур) значительно облегчают поиск нужной информации. Удобно и специальное выделение самостоятельных вопросов в отдельные приложения. Прекрасное добротное оформление книги ассичтано на длительное пользование, с уважением к потенциальному читателю (соскучившемуся по традиции!). Подбор иконографического видеоряда усиливает впечатление от издания. Рамки рецензии не позволяют подробно дискутировать об отдельных неточностях комментария (ныне известные даты жизни отдельных ученых – например, Ю.И.Гессена, и их точная судьба – Б.М.Гессен, П.Б.Струве, роль членов КИЗ А.А.Радица, В.Ф.Миткевича, Н.Н.Меншуткина и др., связанных с Петербургским-Ленинградским политехническим институтом всю свою жизнь: а не только с формальными структурами периода 1930–1932 гг., временно созданными на его базе).

Неточности объясняются, по-видимому, быстрым старением источников сведений о судьбе некоторых из ученых и неполнотой отслеживания всех новых публикаций, разбросанных подчас в непрофильных изданиях. Это восполнено для профессионального читателя, но требует дополнительного специального поиска для тех, кто впервые обращается к проблеме, открывая это издание. Книга только выиграет бы от устранения этих мелких частных огрехов при вполне возможном и даже необходимом переиздании – ведь тираж книги неоправданно мал, она важна не только узким специалистам, но и как источник междисциплинарных исследований для специалистов практически всех областей знания. Кроме того, на ее долю выпадает важная роль *обязательною переисточника* в связи с введением новой программы экзамена по истории науки в действующем ныне

институте аспирантуры как форме подготовки новых поколений исследователей в нашей стране.

Книга – несомненный вклад в историографию становления и развития отечественной науки и техники. Она отвечает на многие вопросы, заполняет лакуны, но еще больше ставит новых вопросов, давая пищу для размышлений новым поколениям исследователей! Ответы на них могут быть только результатом их интенсивной работы. И в этом ее главное достоинство – будить живую мысль! Это издание – заметное, знаковое явление отечественной историографии науки и техники.

Остается пожелать составителям столь же детального документального продолжения исследований для освещения сложных периодов темы в дальнейшем десятилетия, интересного не только научной обществу, но широким кругам, прежде всего молодому поколению отечественной интеллигенции. «История науки, ее прошлого должна критически составляться каждым научным поколением. Надо уходить в прошлое, ибо благодаря новому знанию в прошлом получает значение одно и теряет значение другое!» (В.И.Вернадский).